

УДК 130.2+17.02

ДАРЕНСКИЙ Виталий Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии права Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. Автор 200 научных публикаций

ЭТОС ДРУЖБЫ КАК ФЕНОМЕН ДИАЛОГИЧЕСКОГО МИРООТНОШЕНИЯ

Автор рассматривает специфику дружбы как феномен диалогической идентичности. Феномен дружбы как философско-антропологической категории анализируется в качестве одного из базовых источников экзистенциального и нравственного опыта. Автор рассматривает специфику диалогической идентичности как феномен само-различания. Концепт диалога трактуется как фундаментальный принцип личностных взаимоотношений, в частности как принцип дружбы. В этом типе взаимоотношений каждый остается собой, но при этом происходит взаимообогащение. Концепт диалога позволяет раскрыть внутренние измерения дружбы как пути личностной самоактуализации, основанной на особой экзистенциальной и нравственной активности. Различается дружба в узком смысле слова – как душевная общность людей и дружба в широком смысле слова – как вообще всякое общение и общность людей, имеющее самоценный характер. Автор рассматривает проблему *alter ego* как «двойника» личности. Концепт «Ты» в его метафизическом смысле рассматривается в качестве «ключа» к этой проблеме, вследствие чего феномен экзистенциальной открытости (бытие как «Я»-«Ты»-отношение) трактуется здесь как intersубъективный процесс становления личностного бытия. Особое внимание в статье уделено интерпретации «внутренних механизмов» нравственной активности личности в качестве феномена поведения в соответствии с «доминантой на Другого». Феномен экзистенциальной открытости рассматривается в качестве базового мотива дружбы. Автор обращает внимание на интерпретацию концепции дружбы П. Флоренского, в частности его концепции дружбы как экзистенциальной антиномии. Автором также предложена концепция различных исторических типов дружбы и концепция основных психологических компонентов дружбы. В итоге проведенного анализа дружба в целом рассматривается как особо обнаженное диалогическое «Я»-«Ты»-отношение, которое является важнейшей формой духовного опыта и в котором возникают и «кристаллизуются» самопознание и способность к самоизменению.

Ключевые слова: *этнос дружбы, экзистенциалы, «Я»-«Ты»-отношение, самоактуализация.*

В философии XX века была открыта специфическая область исследований, связанная с острой необходимостью заново осмыслить

непосредственный опыт человеческого *бытия-в-мире*. Эта область и основные ее содержательные элементы зафиксированы термином

«экзистенциалы», предложенным М. Хайдеггером. Впрочем, анализ «экзистенциалов» лишь по форме выглядит чем-то принципиально новым, на самом же деле он возвращает мысль как раз к истокам философствования как такового: к вопрошанию о смысле бытия и к первичному опыту человеческой общности и совести. Экзистенциалы «заброшенности», «заботы» и «проекта» были частными случаями Dasein-аналитики, которая может разворачиваться и в других направлениях. Открытие предметности Dasein как особой сферы осмысления и эксплицирования самого первичного и базового человеческого опыта, лежащего в основе всех остальных, еще далеко не исчерпано. В частности, в отечественной философской традиции сложились предпосылки для способа экзистенциального анализа, принципиально альтернативного хайдеггеровскому, предметность которого определяется опытом христианской экзистенции. Это в первую очередь экзистенциальные символы *Веры, Надежды и Любви*; экзистенциалы *молчания, страдания, кротости* и др. [1].

Вскрытие экзистенциальной глубины в речевых понятиях, которые ранее считались относящимися в первую очередь к сфере обыденного сознания, является перспективной философской программой. В этом контексте понятие *дружбы* также представляет собой пример экзистенциала, таящего в себе интереснейшие грани духовного опыта. Известный российский этик Р.Г. Апресян в статье «От “дружбы” и “любви” к “морали”»: об одном сюжете в истории идей» справедливо указывает на тот исторический факт, что именно в античном понятии «дружба» изначально вырабатывались многие ключевые интеллектуальные конструкты современной морали и философской этики. «Понятие морали, – пишет он, – постепенно складывается на протяжении XVIII. Но это – именно то время, когда проблематика дружбы и любви отступает в философии на задний план: тот опыт межчеловеческих отношений, который рационализировался и обобщался в понятиях дружбы и любви, получает иное,

более широкое и абстрактное концептуальное выражение – в понятии *морали*. О дружбе и любви вроде бы уже можно и не упоминать в философском рассуждении, если ведется речь о морали. В особенности это касается понятия дружбы – оно совсем перестает быть тем важным и особенным предметом в морально-философских рассуждениях, каким оно было... у древних философов» [2, с. 193]. Тем самым произошла «инверсия» смысла, при котором исходная экзистенциальная значимость и специфика феномена дружбы была утрачена, «размыта» среди требований общего этикета, редуцирована к общим моральным нормам. А ведь изначально, как напоминает тот же автор, «дружба» была даже своеобразным *космологическим* понятием! «По Ямвлиху Халкидскому, словом “дружба-филия” мы обязаны Пифагору. Пифагор дружбой называл *единение* всего со всем, в том числе человека с человеком. Дружба – универсальная соединительная сила в Космосе. В чем-то аналогично пифагоровской дружбе конфуцианское *жэнь* (человечность): это то свойство человеческой природы, благодаря которому человек оказывается связанным со всем – с людьми, с животными, с природой» [2, с. 186].

В настоящее время, в условиях кризиса искренних человеческих отношений, неизбежного для техногенной индивидуалистической цивилизации, новое осмысление дружбы как важнейшего экзистенциала человеческого бытия очень интересно. В настоящей статье предпринимается попытка осмысления феномена дружбы как *специфического источника духовного опыта*, зарождающегося в межчеловеческих отношениях. В дальнейших рассуждениях мы будем различать дружбу в *узком* смысле слова – как тесную душевную общность двух или нескольких людей, переживаемую как радость или же как острая нужда (в случае своего прерывания или отсутствия); и дружбу в *широком* смысле слова – как вообще всякое общение и общность людей, имеющие прагматический, самооценный характер. В этом, последнем, смысле может быть, например, дружба между супругами, родителями

и детьми и т. д. По своему внутреннему содержанию дружба в обоих смыслах остается одним и тем же экзистенциалом, меняется лишь глубина и интенсивность его проявления. В чем же заключается специфическое содержание этого экзистенциала, делающее его предметом философской рефлексии?

В том, что каждый человек старается найти для более тесного общения душевно и интеллектуально близких себе людей, нет ничего удивительного. Но если бы смысл дружбы состоял только в этом, то она не требовала бы специального осмысления, проходя лишь «по ведомству» психологии характеров. На самом же деле, хотя это и не всегда сразу заметно с обыденной точки зрения, в дружбе всегда есть внутреннее противоречие, особая содержательная напряженность, даже, может быть, парадокс и антиномия. Иногда противоречие весьма ярко проявляется и чисто внешним образом, хотя мы обычно не задумываемся над смыслом таких проявлений. Например, обычно мы стараемся в глазах друзей выглядеть лучше, чем мы есть на самом деле; и наоборот, не терпим те их недостатки, на которые у других людей вообще не обращаем внимания. Если бы дружба сводилась только к родству душ, то все это выглядело бы вполне абсурдно: действительно, если души и так родные, то зачем им выставлять себя с лучшей стороны и проявлять требовательность? Наоборот, можно было бы «расслабиться» и показать себя таким, какой ты есть, ведь родство душ от этого только усилится. Но мы ведь так не делаем.

С другой стороны, известно, что люди, которые слишком уж похожи на нас в каком-либо отношении, чаще всего нам просто скучны и от простого факта такой общности дружба обычно вовсе не возникает. И наоборот, очень часто дружат люди чуть ли не с противоположными характерами, словно дополняя друг друга. Кроме того, часто друзьями становятся люди, впервые знакомящиеся в ссоре и конфликте, иногда даже бывшие враги (этот мотив весьма

распространен в мифах, сказках и исторических преданиях, что отражает его типичность). Характерен в этом отношении и тезис У. Блейка, фиксирующий внутренний парадокс дружбы: «Opposition is true friendship» («Противостояние есть истинная дружба») [3, с. 202]. Все это говорит о том, что в основе дружбы лежит какое-то весьма сложное отношение и какая-то специфическая человеческая потребность, не сводимая к одной лишь душевной близости и поиску своего alter ego.

На наш взгляд, дружба в особо концентрированном виде несет в себе ту изначальную амбивалентность, в рамках которой мы ощущаем потребность в Другом как таковом. С одной стороны, действительно, потребность в дружбе (как и в Другом вообще) – это потребность в близости, понимании, опоре и теплоте живого соприсутствия в мире. Но, с другой стороны, нам нужен Другой и как Вызов, пробуждающий наши внутренние силы: как *противник* и *образец* одновременно (здесь еще одна амбивалентность этого отношения). Противник – потому, что только сила внешнего сопротивления заставляет нас делать постоянное усилие и упорядочивать свое мироотношение и хаос своего внутреннего мира. Образец – потому, что избыточность возможностей нашего самопроявления должна «завязываться» на внешний нам личностный образ, пусть и не такой интересный, как хотелось бы, но близкий и понятный.

Представляется, что, исходя из этих экзистенциальных аспектов дружбы, можно классифицировать, по крайней мере, 4 ее разновидности. Во-первых, это дружба, которую можно назвать «родством душ» – *par excellence*. Здесь друг – это именно экзистенциально-психологический «близнец», alter ego в самом буквальном смысле слова. Именно этот вид дружбы и считался основным у античных мыслителей¹. Это объясняется определенными мировоззренческими основаниями – прежде всего, отсутствием «личности» в современном смысле слова, созданном христианством, а также спецификой

¹Ср. у Цицерона: «Amicus est tamquam alter ego» [4, с. 42].

«родового» мышления с его коллективным «Я» («Мы»), в котором отдельные члены родового коллектива фактически взаимозаменяемы. То, что античные мыслители описывали под именем «дружбы», – это естественный феномен «переноса» стереотипов родственных отношений на других людей: уже не родственников, но индивидуально близких по своим душевным качествам. В чем специфика этого типа с точки зрения общего экзистенциального смысла дружбы? Естественно, это в первую очередь явное доминирование полюса «образца» над полюсом «противника». «Противничество», однако, само по себе при этом не исчезает, но, во-первых, как бы выносится «вовне» – на общих врагов, поэтому в античности «друга» часто и определяли как того, за кого следует отдать жизнь и который сам за нас может отдать жизнь². Во-вторых, друг – это наилучший партнер в упражнениях (военных, спортивных) и спорах, это оптимальный *агонист*. Тем самым общая коллизия «образца» и «противника» здесь также вполне сохраняется в такой, хотя бы и опосредованной форме.

Второй тип дружбы, в определенном смысле полярный первому, можно определить как дружбу-соперничество. Как самостоятельный тип, он развивается и, по-видимому, становится доминирующим в современном индивидуалистическом обществе. Здесь «родство душ», естественно, не исчезает полностью, иначе это уже не была бы дружба как таковая, но уходит «в контекст», на задний план отношений. Здесь друг – это в первую очередь коллега в каком-либо занятии (профессиональном или в проведении досуга), стимулирующий к новым усилиям и достижениям. Если друг-«близнец» сливается со мной в единое «мы», с общим мироощущением и обостренным чувством взаимной ответственности и сочувствия, то друг-соперник, как правило, находится нами по принципу контраста и взаимной дополнительности характеров. Конечно, некий минимум общности взглядов и мироощущения в целом при этом не-

обходим, но именно как предпосылка, а не сама цель и сущность такой дружбы. Чувство взаимной ответственности и способность к взаимопомощи при этом очень ослаблены по сравнению с первым типом. Доминирование дружбы-соперничества становится возможным лишь в обществе, где индивидуальные права и интересы прочно защищены законом и социальным этикетом, родственные связи ослаблены и не являются важными для социальной идентификации индивида. При этом, однако, друг-соперник – отнюдь не лучший партнер в агониях-упражнениях, ведь перед ним нельзя показывать свои слабости и секреты. Упражняться в важных вещах здесь предпочитают как раз с нейтральным «партнером».

Появление друга-«близнеца» становится все более редким в обществе тотальной конкуренции, где этот тип отношений оказывается прагматически невыгодным и поэтому практически не воспитывается. Наоборот, в античном и вообще в любом традиционном обществе, структурированном по родственному и/или корпоративному принципу, с жестким разделением на «своих» и «чужих», дружба-соперничество, как правило, не имеет смысла как устойчивое отношение и возникает лишь в локальных ситуациях. В современном же обществе, по принципу «симметрии», то же самое имеет место как раз по отношению к дружбе «родственных душ».

Следующую типологическую «пару» типов дружбы можно определить как дружбу-«наставничество», с одной стороны, и дружбу-«ученичество», с другой. Эта типологическая пара также, по-видимому, была намного сильнее проявлена в традиционных обществах, основанных на принципе социальной иерархии, и ослаблена в современном индивидуалистическом социуме. Такой вид дружбы (т. е. оба названных типа, всегда существующие как единое отношение) в наше время имеет место либо внутри семьи (отношения старших и младших), либо в ситуативных малых группах

²Ср. у Сенеки: «Для чего приобретаю я друга? Чтобы было за кого умереть» [5, с. 412].

(например, в спортивных или творческих коллективах). Как это ни парадоксально на первый взгляд, но отношения «покровительства» и отношения наставника и ученика нисколько не отрицают искренне дружеских отношений, а часто даже их стимулируют. А именно: часто как раз в таких отношениях, где заранее заданы определенная иерархия и распределение обязанностей, автоматически снимается целый ряд естественных препятствий для дружбы – в первую очередь отношений зависти и конкуренции. Но, с другой стороны, эти типы дружбы постоянно находятся в риске выродиться в чисто прагматические отношения по принципу «патрон»–«клиент» на взаимовыгодной основе. Но тем и ценнее связь искренней дружбы между «старшим» и «младшим», по-видимому, имеющая в культуре архетипический характер.

На первый взгляд, в этих типах дружбы полностью доминирует принцип «образца». В действительности же, как и в самом первом из рассмотренных типов, принцип «противника» здесь также активно реализуется, причем намного менее опосредованным образом. Принцип «противника» здесь радикально переносится *вовнутрь* каждого из дружащих: каждый из них, «преодолевая себя», должен как можно лучше соответствовать своей роли – последняя здесь переживается как нравственное обязательство. Наставник должен, чтобы быть наставником, постоянно показывать свой потенциал (он должен «в принципе» все знать и все уметь), а «младший» должен точно так же все время бороться со своей ленью и слабостью, становясь все лучше и все сильнее. А вдруг реально превзойдя наставника, не должен возноситься, но навсегда сохранить благодарную почтительность и саму дружбу.

Рассмотренные социокультурные типы дружбы по-разному выявляют универсальный, метафизический смысл дружбы как таковой. Этот смысл можно специфицировать, сравнивая дружбу с другими видами «Я»–«Ты»-отношений. С формальной точки зрения дружба находится ровно посередине между отношением *любви* и отношением *чуждости*

(а последнее, в свою очередь, имеет более радикальный вариант – отношение к Чужому, врагу – и более нейтральный – равнодушное отношение к «постороннему»). В рамках этой схемы можно сказать так: в обоих крайних случаях в отношении к Другому «Я» поглощено некой страстью, «одержимо бытием» (М.М. Бахтин), но если в первом случае это страсть к другому «Я» и одержимость некой растворенностью себя в «Мы», то во втором, наоборот, это страсть к своему «Я» и одержимость его защитой от всего остального («остальных»). По сравнению с этими полярными типами отношений в дружбе изначально *диалогическое* «Я»–«Ты»-отношение выступает в своей наиболее чистой и самостоятельной сущности и форме, не будучи отягощено теми мощными интенциями, которые мы видим в первых случаях. Действительно, если в любви «растворяется» собственное «Я», а в чуждости другое «Я» для нас «растворено» во мгле «инобытия», то в дружбе самое важное – это как раз целостность и самостоятельность обоих «Я», определяемая той исходной амбивалентностью этого отношения, о которой было сказано выше. И в дружбе бывают и минуты особой душевной общности («Мы»), и периоды охлаждения и безразличия, и суть дружбы не в этих моментах, но именно в устойчивости такой жизненной связи, в которой каждое «Я» выступает непосредственно и цельно – оно тут важно таким, какое оно есть: как Образец/Противник. Этим определяется и весь интерес «дружеского общения» (на него-то чаще всего и обращают внимание, принимая следствие за причину). Дружеское общение втягивает в себя иногда даже сильнее, чем общение влюбленных: ведь здесь интерес не в «чувствах», которые имеют предел и усталость, а в особом, почти нераздельном сочетании *влечения* и *соревнования* душ и умов – *филиш* и *агона*, – извечном и всеохватывающем «ритуале» бытия.

Итак, дружба – это «Я»–«Ты»-отношение, *par excellence*, наименее отягощенное чем-либо посторонним. Заметим, что философема «Ты» как таковая означает настоящую метафизическую тайну, поскольку представляет собой, с

одной стороны, онтологическую границу индивидуального субъекта («Я»), а с другой – является единственной реальностью, причастность к которой эту границу преодолевает, через которую происходит трансцендирование «Я» – бытийный источник всего многообразия человеческого опыта. Универсальным признаком *специфически диалогического* «Я-Ты-отношения» в отличие от «коммуникации» как «обмена информацией» («Я-Оно-отношения») является открытость символическому Другому во всех его «модусах». Вообще, *любая бытийная универсальность непосредственно выступает для индивидуума в форме конкретно обращенного к нему «Ты»,* и потому *dia-logos* как «через-слово» всегда является и *duo-logos*’ом (от *duo* – два), т. е. «через-Ты». Тем самым философия «Ты» объединяет в себе признаки уникальности межличностных отношений и всеобщности символического Другого.

В русской классической философии осмысление дружбы как феномена духовного опыта берет начало еще у «любомудров» и Вл. Соловьёва, но наиболее концептуализированные идеи были предложены отцом Павлом Флоренским в «Столпе и утверждении Истины», «Письмо одиннадцатое» которого называется «Дружба». Здесь, в частности, о. Павел понимает дружбу в ее конечном христианском смысле как некое *нравственное упражнение*:

«Чтобы ко всем относиться, как к самому себе, надо хоть *в одном* видеть себя, *осязать* самого себя, необходимо воспринимать в этом одном уже осуществленную, – хотя бы и частично, – победу над самостью. Таким *одним* и является Друг, *агатическая* любовь к которому есть *следствие филической* любви к нему. Но, с другой стороны, чтобы филическая любовь к Другу не выродилась в своеобразное *себя-любие*, чтобы Друг не стал просто условием уютной жизни, чтобы дружба имела глубину, необходимо проявление во-вне и раскрытие снаружи тех сил, которые даются дружбою, т. е. необходима агатическая любовь к братьям» [6, с. 412–413].

Кроме того, о. Павел тонко пишет об *антиномичности* дружбы в ее сущностных основаниях:

«Но друг – не только Я, но и *другое Я, другой* для Я. Однако, Я – единственно, и все, что есть другое в отношении Я, то уже – не-Я. Друг – это Я, которое не-Я: друг – *contradictio*, и в самом понятии о нем завита антиномия. Если тезис дружбы есть тождество и подобие, то ее антитезис – не-тождество и не-подобие. Я не могу любить то, что не есть Я, ибо тогда допустил бы в себя нечто чуждое себе. Но, вместе с тем, любя я хочу не того, что сам я есмь: в самом деле, на что же мне то, что у меня уже есть. Эта само-противоречивость дружбы раскрыта юным Платоном в “Лизисе”; а заново ее открывает Шиллер» [6, с. 439–440]. Тем самым предложенная выше трактовка феномена дружбы как некоего «Вызова», пробуждающего наши внутренние силы, амбивалентности отношения к другу как «противнику» и «образцу» одновременно, может рассматриваться как дальнейшее развитие подхода о. Павла.

О. Павел Флоренский пишет об особой «метафизической природе дружеской связи». По его формулировке, дружба «не только психологична и этична, но прежде всего онтологична и мистична. Так на нее смотрели во все времена все углубленные созерцатели жизни. Что же есть дружба? – Созерцание Себя через Друга в Боге. Дружба – это видение себя глазами другого, но пред лицом третьего, и именно Третьего. Я, отражаясь в *друге*, в его Я признает свое *другое* Я. Тут естественно возникает образ зеркала» [6, с. 438–439]. Однако «образ зеркала», о котором говорит о. Павел, также внутренне амбивалентен. Весьма часто под именем «дружбы» во все времена, но в наше в особенности, часто скрывается иное отношение, которое можно определить как нравственное паразитирование. Такое отношение имеет место тогда, когда мы ищем в другом, которого по недоразумению называем «другом», лишь продолжение «себя любимого», полностью соответствующее нашим предрассудкам и потакающее нашим прихотям. Причем такое отношение чаще всего бывает в той или иной степени взаимным. Такой «друг» нужен лишь для того, чтобы рядом с ним можно было расслабиться, избавиться от угрызений совести

и нравственной рефлексии, почувствовать во всем себя правым и встретить полное сочувствие с его стороны, еще более утверждаясь в этом нравственном омертвлении. Но сколь ни тяжелы соблазны, таящиеся в близких, доверительных отношениях, они лишь обратная сторона особой энергии соприкасающихся душ. Дружба как

особо обнаженное диалогическое «Я»-«Ты»-отношение всегда является важнейшей формой духовного опыта, в котором возникают и «кристаллизуются» самопознание и способность к самоизменению. А в случае подмены именно то, что возникает «на месте» дружбы, с особой откровенностью обнаруживает омертвление душ.

Список литературы

1. Малахов В.А. Уязвимость любви. Киев, 2005. 534 с.
2. Апресян Р.Г. От «дружбы» и «любви» к «морали»: об одном сюжете в истории идей // Этическая мысль: ежегодник. М., 2000. С. 185–199.
3. Блейк У. Песни Невинности и Опыта. Стихи. СПб., 1993. 256 с.
4. Казаченок Т.Г. Крылатые латинские изречения. Минск, 1993. 324 с.
5. Разум сердца. Мир нравственности в высказываниях и афоризмах. М., 1990. 488 с.
6. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины // Флоренский П.А. Соч.: в 2 т. М., 1991. Т. 1. 524 с.

References

1. Malakhov V.A. *Uyazvimost' lyubvi* [Vulnerability of Love]. Kiev, 2005. 534 p.
2. Апресян Р.Г. От «druzhy» i «lyubvi» k «moral'i»: ob odnom syuzhete v istorii idey [From Friendship and Love to Morality: One Story in the History of Ideas]. *Eticheskaya mysl': ezhegodnik* [Ethical Thought: Yearbook]. Moscow, 2000, pp. 185–199.
3. Blake W. *Pesni Nevinnosti i Opyta. Stikhi* [Songs of Innocence and of Experience. Poems]. St. Petersburg, 1993. 256 p.
4. Kazachenok T.G. *Krylatye latinskie izrecheniya* [Winged Latin Words]. Minsk, 1993. 324 p.
5. *Razum serdtsa. Mir npravstvennosti v vyskazyvaniyakh i aforizmakh* [The Mind of the Heart. The World of Morality in Sayings and Aphorisms]. Moscow, 1990. 488 p.
6. Florenskiy P.A. *Stolp i utverzhenie Istiny* [The Pillar and Ground of the Truth]. *Soch.: v 2 t.* [Works: In 2 Vols.]. Moscow, 1991. Vol. 1. 524 p.

Darensky Vitaly Yuryevich

Luhansk State University of Internal Affairs named after E.O. Didorenko (Luhansk, Ukraine)

THE ETHOS OF FRIENDSHIP AS A PHENOMENON OF DIALOGIC ATTITUDE TO THE WORLD

The paper studies the specific character of friendship as a phenomenon of dialogic identity. Friendship as a philosophical-anthropological category is analyzed as a source of one of the basic sources of existential and moral experience. The author examines the specific character of dialogic identity as a phenomenon of self-differentiation. The concept of dialogue is treated as a fundamental principle of personal relationships, particularly as the principle of friendship. In this type of relationship, individuals remain their own selves but at the same time enrich one another. The concept of dialogue allows us to reveal the inner dimensions of friendship as a way of personal self-actualization based on

a special existential and moral activity. The author distinguishes between friendship in a narrow sense (as a spiritual community of people) and friendship in a broader sense (as any communication and community of people in general that is valuable in itself). The author dwells on the issue of *alter ego* as a person's double. The concept of *Thou* in its metaphysical sense is seen as a key to this problem; thus the phenomenon of existential openness (being as "I-Thou" relationship) is interpreted here as an intersubjective process of forming a personal being. Special attention is given to the interpretation of the "inner mechanisms" of a person's moral activity as a phenomenon of behaviour according to the "dominant in the face of the Other". The phenomenon of existential openness is seen as a basic motif of friendship. The author turns to P. Florensky's interpretation of friendship, in particular to his concept of friendship as an existential antinomy. In addition, the author suggests a concept of various historical types of friendship and the concept of key psychological components of friendship. As a result of the analysis, friendship is generally viewed as a particularly exposed dialogical "I-Thou" relationship, which is the most important form of spiritual experience, forming and developing self-knowledge and the ability to change oneself.

Keywords: *ethos of friendship, existentials, "I-Thou" relationship, self-actualization.*

Контактная информация:

адрес: 91493, г. Луганск, пос. Юбилейный, ул. Генерала Дидоренко, д. 4;

e-mail: darenskiy@yahoo.com

Рецензент – *Дрегалю А.А.*, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления института экономики и управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова